

БЕЛОУСОВА ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА

На собрании жертв политических репрессий в городе Владимир, где я сейчас проживаю, меня спросили подвергалась ли я сама репрессии. Я ответила, что являюсь дочерью репрессивного отца. Молодые люди, да и те, которые постарше, недоумевают, почему нас признали реабилитированными, хотя мы не испытывали лишений и кошмара ГУЛАГа. Но я на них не в обиде, так как о нас мало кто знает. Сегодня в свете событий на Западе, где поднимает голову фашизм, мы не должны молчать, мы должны напомнить миру о последствиях культа личности, который приводит к политике террора и насилия над собственным народом.

Я расскажу, как дети в одночасье становились несчастными сиротами и в мировое время испытывали не меньше лишений, чем взрослые. Мой отец Ли Эн До по национальности китаец, 1902 года рождения. Он уехал из Китая в Россию в поисках лучшей жизни. Был работающим человеком, любящим отцом, материально хорошо обеспечивающим семью из четырех человек. Помню, что у матери была даже чернбуря лиса, а у детей-шубки. Несмотря на это, мать оставила мужа и двоих детей, а сама уехала в родную деревню. Я помню, что отец шил модельную обувь на заказ. Сейчас его бы назвали индивидуальным предпринимателем. Каждый день он ходил на работу в цех, где у него была своя мастерская. Жили мы тогда в городе Томске в квартире с отдельным входом, так как отец принимал заказчиков дома. 8 октября 1937 года папу арестовали. Он был эмигрантом, поэтому его обвинили в шпионаже в пользу японской разведки. 31 декабря его осудили по статьям 58-4,6,9,10 и 11 УК РСФСР и приговорили к расстрелу. 24 января 1938 года приговор приведён в исполнение. В уголовном деле есть признание им своей вины, данное под пытками. Всё это я узнала из сведений Томского «Мемориала», которому низкий поклон и благодарность. Отец реабилитирован посмертно в 1959 году.

После ареста папы его жену, мою мачеху, меня и брата Юру выселили из квартиры. Меня отправили в детский приёмник-распределитель, брата оформили в дом малютки. Дальнейшую судьбу мачехи и брата я не знаю до сих пор, хотя их и искала. Из приёмника-распределителя меня привезли в детдом под городом Тобольск. Детдом находился в полуразрушенном монастыре. Помещения, в которых жили дети, отапливались дровами. Мы сами заготавливали дрова, выращивали овощи, ухаживали за животными, даже коров доили. Сами же убирались в помещениях и их ремонтировали. С началом войны скот у нас отобрали, стало совсем голодно. На нас постоянно экономили, так как мы были детьми второго сорта: беспризорники, бывшие колонисты-уголовники, дети «врагов народа». Одевали нас кое-как, летом обувь вообще не выдавали, зимой выходили на улицу по очереди, так как обуви на всех не хватало. Процветало воровство, драки, побеги старших. Всех, кто был сильнее нас, мы боялись. Вот два случая, которые врезались мне в память. Когда девочки пошли в душ, мальчишки перегородили коридор железными кроватями, выключили свет и ворвались в раздевалку. Испуганные девчонки выбежали в коридор, в темноте натыкались на кровати и травмировались. А этим было смешно... Второй случай. В первый же год моего пребывания в детском доме меня ни за что исхлестал кнутом подросток, наш же детдомовский пастух. Жаловаться мы также боялись, ибо будет ещё хуже. Да и сами молодые воспитатели остерегались бывших уголовников, выпущенных из колоний для несовершеннолетних. Даже выбрать старосту группы было проблемой. Никто не хотел этой должности. Я, будучи новенькой, согласилась. В тот же вечер мне устроили «тёмную». Законы тюремной жизни ми дети «врагов народа», испытали на себе сполна.

Из всего пережитого только одно запомнилось хорошее. Это наш врач, прекрасный человек Заостровский. Он также был в ссылке, как сын репрессированного отца, который проходил по «делу врачей». Когда началась война, он добровольцем ушёл на фронт, где и погиб. Об этом нам сообщили в детдом, как по последнему месту его работы. Как врач, он имел доступ к нашим

документам, помог многим детям избавиться от так называемого «тёмного прошлого». Помог и мне уничтожением документов, которые могли помешать дальнейшей жизни. В 1945 году меня, как одну из лучших учениц, без проблем направили на учёбу в город Алма-Ата в техникум связи. Там я встретила своего будущего мужа, впоследствии ставшего военным-ракетчиком. Жизнь моя прошла достойно, несмотря на то окружение, которое мне было послано как испытание на прочность. Не благодаря, а вопреки козням нашего государства рабочих и крестьян (так страну называли наши горе-руководители) мы выжили и очистились. Теперь, надеюсь, строим правовое государство.

Долгое время от меня скрывали истинную причину ареста и смерти отца. Я, надеясь увидеть его живым, начала поиски в 1958 году. На мой запрос получила ответ, что папа был осуждён по 58 статье УК РСФСР и в настоящее время реабилитирован. Он, якобы, умер в 1944 году из-за туберкулёза лёгких. И только Томский «Мемориал» выяснил, что отец был на самом деле расстрелян в 1938 году. Следователь, сфабриковавший дело на отца, тоже расстрелян в 1941 году. Вот такие были страшные времена...

Глава из книги «Трагедия России — судьбы ее граждан». Воспоминания о репрессиях. Выпуск 5. 2016. С.6-8. г. Владимир.